

Елена Шумара

У Петра была бабуля

День первый

У Петра была бабуля. Он ее любил.

Тяжелый молоток с шестнадцатью зубцами, четыре ряда по четыре, лупил по куску мяса. Красного, с белыми прожилками. Говядина. Петр больше любил свинину, но у бабули в холодильнике свинины не нашлось. Зато нашлись помидоры и четыре проштампованных яйца. Омлет Петр запланировал на утро, а в обед решил сделать хорошую отбивную. Ну или просто отбивную. С перцем, солью и травой из банки с надписью «для овощей».

Бабуля уехала. Так сбегает невесты из-под венца. Вдруг. Только что была, и на тебе. Ни букета, ни платья, ни тела в платье. Лишь запах духов, и тот как будто позавчерашний. Бабуля любила спасать. Едва кому-то приходило в голову спастись, бабуля срывалась с насиженной ветки и шла на взлет. Вчера она улетела в Караганду. Петр уже двенадцать раз спросил: «А бабуля наша где?» И сам себе двенадцать раз ответил.

Перед отлетом бабуля лишила Петра двух недель июльского отпуска. Во-первых, кому-то надо было кормить Ежа – в смысле, кота, которого звали Ежом. А во-вторых, к бабуле обещал зайти какой-то Семен Ильич. Когда зайти – неизвестно. Может, сегодня, может, завтра или вовсе через несколько дней. Но ждать его в бабулиной квартире полагалось с семи утра до восьми вечера ежедневно. А как придет, передать от бабули письмо.

Петр достал сковородку, плюхнул ее на плиту. Газ зажечь не успел. Зазвонил городской телефон. С дребезгом, будто древний будильник в древнем же, советском еще, ведре. Петр рванул в комнату, снял трубку с клубнично-алого аппарата. За трубкой потянулась тугая пружина провода.

– Слушаю.

– Петенька, милый, Семен Ильич приходил?

– Нет, ба, не приходил. Здравствуй.

– Ты только из дома ни-ни, умоляю. Вдруг он явится, а меня нет!

– Тебя и так нет, ба. Ты в Караганде.

Бом-тили-бом. Часы, похожие на скворечник, отбили половину пятого.

– Петя, глянь-ка в окно.

– Зачем?

– Ну глянь, умоляю. Высунься, слева сквер. Есть на скамейке кто?

Петр высунулся, вместе с клубничной-аппаратом.

– Девушка там сидит, а что?

– Нет, ничего. Смотрю, гуляют ли мои подружки.

– Это я смотрю, ба. Подружек в сквере нет, – Петр уныло вздохнул.

– Петенька, потерпи. Семен Ильич, наверное, завтра придет. И можешь тогда с семи до восьми не сидеть. Только Ежика уж корми. Каждый день, ладно?

В далекой Караганде заплакал чей-то младенец. Бабуля крякнула и положила трубку.

Пик-пик-пик.

Девушка в сквере читала книгу. Со второго этажа Петр видел, что у нее прямые светлые волосы и красное платье. Пик-пик-пик. Синица села на спинку скамейки, и девушка ей улыбнулась. Петр тоже хотел улыбнуться, но вовремя треснул себя телефонной трубкой по голове. Хватит. В женщин он наигрался.

Пик-пик-пи...

Трубка устроилась на своем ложе, а Петр отправился в кухню. Сковородка была на месте, а баночка «для овощей» лежала, выпотрошенная, на боку. Лохматый, кирпичного цвета Еж, сидя на столе, дожевывал отбивную.

День второй

жена петра с утра пилила

рука нога еще рука

но нет статьи за это дело

в УК

Жена – к счастью, бывшая – любила слать Петру дурацкие стишки. Вот и сегодня, когда часы-скворечник пробомкали четыре раза, пришло сообщение. Петр привычно рассердился и пнул кирпичного Ежа, висящего на занавеске. Еж сиганул на тумбочку и занюхал обиду бабулиным корвалолом.

– Петь, погода хорошая. Может, погуляем? В рамках дружбы?

– Нет. Я занят.

– Не ври, Петь, ты в отпуске.

Петр зачем-то высунулся в окно. В сквере на скамейке сидела та же девушка. Совсем не похожая на, к счастью, бывшую жену. Ни рыжих ведьминских кудрей, ни жара, которым обдает за девять метров. Скорее подснежник – с тонкими, как рисовая бумага, лепестками. Тьфу, сопли. Петр захлопнул окно. Обдирающий герань Еж недовольно мяукнул.

– Да, я в отпуске, и у меня свидание.

– У тебя? :):):)

С бывшей женой Петр пререкался весь вечер.

День катился к оранжевому закату. Бабуля звонила пять раз, и все на городской. Семен Ильич, подлец, не пришел.

Третий день

Петр пил коньяк. На тумбочке, возле корвалола, стояло блюдо с ярко-желтыми полукружьями лимона. Еж принюхивался издали, но кисленького не хотел. Солнце лилось в неприкрытое занавеской окно.

Бабуля позвонила в начале пятого.

– Ба! – взвился Петр. – Ну зачем с мобильного на городской? Проверяешь?

– Что ты, Петенька, это по привычке.

– Проверяешь... А я вот д-дома сижу, никуда не хожу.

Коньяк уже плел в мозгу Петра забавные косички.

– Петенька, а посмотри-ка в окошко.

Петр посмотрел. Девушка, хрупкая как подснежник, опять была в сквере. Но не одна. Коньяк обжег Петру горло хуже, чем чистый спирт. На той же скамейке сидел мужик. Вполне себе молодой, с хилой бородкой и розой в прозрачном пакете. Петр налимонился сразу тремя кусками, скривился, живо запил коньяком.

– Петенька, кто там сидит?

– Какой-то м-му... жик.

– В возрасте?

– Неа, лет тридцать. К д-девушке клеится.

Петр чуть не добавил «моей». Бабуля хихикнула нервно.

– Ба, скоро Ильич твой п-придет? Может, ему п-позвонить?

– Что? Ой, Петенька, мне пора! Ежика покорми!

Трубка запикала в ухо – противнее, чем обычно.

Из подъезда вышла девица в короткой юбке. Мужик поднялся, огладил бородку, вытянул руку с розой. В соседнем доме кто-то включил «Бухгалтер, милый мой бухгалтер». Петр улыбнулся, выпил, посмотрел сквозь лимонный ломтик на солнце. Часы пробомбили пять раз.

Четвертый

Петр в зеркале был зеленым. Наверное, от вчерашнего коньяка. Во рту кислило, как и в душе, которую прежде Петр не особенно замечал. Дело шло к четверем, а именно в это время в сквере появлялась девушка-подснежник. Петр дал себе твердое слово – в окно не смотреть. Он даже задернул штору и сидел в полумраке под храп переевшего Ежа.

Бом-тили-бом. Дз-з-з!

– Петенька, как, приходил?

– Нет, ба. Может, он просто забыл?

– Тьфу, типун тебе на язык. В окно посмотри!

Петр вскочил, словно ему, пятилетнему, дали конфету. Хоть бы пришла!

Пришла. На скамейке сидела, как и всегда. Рядом – бабульки, две штуки. И еще одна – на стульчике раскладном.

– Ба, тут подружки твои. Описать?

– Ой, не надо.

– Одна толстая, в кофте и тапках. Знаешь, тапки такие, для огорода. Еще у нее панамка...

Петр обмусоливал внешность старушки. Но сам, как бы не нарушая данного слова, смотрел и на девушку тоже. Та о чем-то спросила, бабульки пожали плечами.

– Вторая мелкая, в кепке и кроссах. Все время чешется. Комары, видать, покусали...

Нежная. Смотрит, словно кого-то ищет. Воробьишкам булочку принесла. Те скачут вокруг, веселые. Пищат, крошки хватают. И день такой теплый, зеленый.

– Петенька, ладно, я поняла.

– Погоди, ба. Третья, на стульчике, с сумкой на шее. И постоянно ее проверяет...

– Петька! Ежика покорми.

Пик-пик-пик. Петр слушал икоту трубки и нарушал свое слово – бесстыдно.

Девушка поднялась со скамейки, прошла через сквер и вдруг посмотрела вверх. Прямо в окно Петра. Не мельком, а будто хотела что-то сказать.

Петр прикрылся трубкой, сполз с подоконника, скрючился, словно аппендицитный. И с пятым скворечным бомом понял: влюбился. Влюбился, зеленый дурак.

Пятый день

*петра жена борщом кормила
петр не любил борща но ел
ведь то был ключ к соединенью
их тел*

Петр получил сообщение от жены, но злиться не стал. В своей новой любви он был свободен и, главное, крепок духом. Чистая футболка, голубая, в тон летнему небу, приятно пахла бабулиным порошком для стирки. Петр собирался наружу, туда, где поцелованная солнцем девушка, кого-то ждала. Не его ли?

- *Петь, а ты наврал про свидание?*
- *Нет.*
- *Красивая девочка?*
- *Да.*
- *Тогда шансов ноль. Ты себя в зеркале видел?*

Петр, зажмурив глаза, прошел мимо зеркала в коридоре. Подумаешь, зато у него есть мозги. Или красивым девочкам умные мальчики не нужны? Он надел кеды, покрутил ручку замка, похожую на золотое яйцо, и вышел на лестницу. К большому, в половину стены, окну. Петра обдало голубым, словно небо – кусочек бархатной ткани – его собой обернуло.

- *Петь, а если у нее мужик? Какой-нибудь Бенедикт с голубыми глазами?*

Да. Кого она ждет каждый день? А может, не ждет? Просто воздухом дышит? Петр не верил в воздух. Зато в Бенедикта верил вполне. Небо подернулось дымкой, выкинуло Петра из ловко свернутого кулька. В квартире яростно зазвонило.

- *Петя, ты дома вообще?*
- *Ба, ну я же тебе ответил.*
- *Что-то волнуюсь, милый. А вдруг он ко мне не придет?*

– Семен твой, Ильич?

– Ежика покорми!..

Петр насыпал Ежу полную миску корма. Тот захрустел, счастливый. Одна голубая мечта все же сбылась в этот день.

Шестой

Тучи гуляли над городом, густые, как простокваша. К трем часам они посинели, китами нависли над сквером. В полчетвертого громыхнуло, и тут же стеной хлынул дождь. Не придет, – понял Петр и ввинтился в кладовку в поисках алкоголя. Нашлась лишь бутылка с надписью «сидр», но пах этот сидр ацетоном. Ливень слегка утих, и Петр решил выглянуть в окно. Сквер оказался пустым. На нос шлепнулась капля, и что-то внутри расклеилось, как забытая под дождем коробка. А вдруг она не придет... никогда?

Отринув бабулин боярышник на спирту, Петр всерьез загрустил. Меж тем во дворе светлело. Еж, услышав птичьего голоса, забрался на подоконник и, мявкая, закрутил пятой точкой. Петр решил прогуляться. Подумаешь, дождь. Он пошел без зонта и, кстати, упреков совести, поскольку уже не верил, что Семен Ильич существует.

В сквере стояла девушка под темным, цвета сливы-венгерки, зонтом. На ногах у нее были резиновые полусапожки. Пришла. Петр, чтобы не передумать, рванул к ней бегом. Встал рядом, уже изрядно подмокший, и онемел. Девушка не удивилась, просто шагнула к нему и накрыла зонтом.

– Здравствуйте, – сказала она, улыбаясь.

– Д-добрый день. Я тут живу. Вон мое окно, на втором этаже.

– Знаю, видела вас на днях.

– А вы... ждете кого-то, да?

– Жду.

– Каждый день?

– Каждый день.

Вышло свежее солнце. Но дождь припустил, и плечо Петра, не поместившееся под зонт, стало мокрее некуда.

– Это важный человек? Которого вы ждете?

– Очень.

– Любовь нечаянно нагрянет, – перевирая ноты, пропел Петр.

– Именно.

Они помолчали. Девушка посмотрела в небо над мокрым плечом Петра и сказала:

– Корабль оказался жалкой затычкой горловины скандинавских фьордов.

– Что?! – обиделся Петр. – Жалкой?

– Мой дедушка так говорит. Смотрите же, радуга!

Петр обернулся.

– Ах, вы об этом... Ну-ну, романтично. А бабуля моя говорит: как однажды Жак-звонарь головой сломал фонарь. Прощайте.

Боярышник в тот вечер ссорился с сидро-ацетоном. Решали, кто же из них заберет сильнее. Но победила дружба: Петр отправился спать, так ничего и не выпив.

Седьмой, последний, день

У Петра была бабуля. И она говорила: фиолетовый – цвет тоски.

Тучи к утру разошлись, и в полдень край кухонного стола погорячел от солнца. Петр заварил себе крепкого чаю и вернулся в комнату, на кровать. Нет, не ждать четырех часов. С ожиданием он покончил.

Еж спал, похрапывая, на спине. Петр погладил его беззащитное рыжее пузо, чуть лысоватое у сосков. Кот заурчал и вцепился всеми лапами в руку. Почти без когтей и не больно. Толстые шторы цвета сирени были задернуты плотно, и Петр с Ежом возились в аметистовом полумраке. Потом задремали оба.

Вдруг – цык! Словно камешек кинули в стекло. Цык! Петр поднялся и в щель между шторами посмотрел. Там, за окном, стояла она, подснежник. Петр, вспотев от затылка до пяток, тут же открыл окно.

– Зачем вы вчера ушли? – спросила она.

– Хотел и ушел. А вы дождались Бенедикта?

– Кого? – девушка рассмеялась. – Я жду Алевтину Петровну.

– Кого?! – Петр рассмеялся тоже.

– Алевтину Петровну. Знаете, дедушка мой... он влюбился. Гулял с четырех до пяти, каждый день. И в это же время гуляла дама. Неделю назад она позвала его в гости, адрес дала. А он в тот же день в больницу попал.

– Все хорошо? – Петр вдруг испугался за незнакомого деда.

– Да, но полежать еще надо. А как полежать? Дама решит, что он ее обманул! Хотел мне бумажку с адресом дать, чтобы я за него извинилась. Но в суматохе больничной адрес

куда-то пропал. Теперь прихожу, с четырех до пяти, и жду Алевтину Петровну. Только она не приходит...

Петр взобрался на подоконник. Следом вспрыгнул и Еж, едва не обрушив вазу с сухими цветами.

– Имя дедушки, имя скажите!

– Семен Ильич он, а что?

Зазвенела клубничина телефона. Петр затащил аппарат на подоконник.

– Петенька, милый, пришел?

– Не пришел, а нашелся, ба! Ты не волнуйся, письмо передам. Через внучку.

– Внучку?! – бабуля тонко хихикнула. – Ладно, пока, мне пора.

– Пока, Алевтина Петровна.

Девушка ахнула и протянула руку, словно бы за письмом. Петр показал ей Ежа, тот заорал и бурно забил хвостом.

– Вы поднимайтесь. Первый подъезд, квартира четыре.

– Да, хорошо. А Бенедикт – это все-таки кто?

– Бросьте, не важно. Я жду.

Петр припрятал сидр и корвалол, надел побелее футболку. Ошметки Ежиной шерсти быстро замел под кровать. Шторы цвета сирени раздернул пошире, и в комнату потекло густое медовое тепло.

Бом-бом-бом-бом. Пробило четыре часа. В дверь, наконец, позвонили.